

Какой театр без Ермоловой

Русский классический — без Марии, современный уральский — без Ирины

Наталья ПОДКОРЫТОВА

Может, это и амбициозно, но, глядя на её Елену Андреевну из «Дяди Вани», Ирину Годуну из «Ивана Грозного», представляю её великую однофамилицу, театральную гордость России начала XX века, знакомую по воспоминаниям очевидцев и знаменитому портрету Валентина Серова. У Ермоловой начала XXI века та же стать, завораживающей глубины голос, та же жажда правды на сцене. Если учесть, что день рождения актрисы приходится почти на День театра, то и вовсе кажется, что все совпадения не случайны.

Дерзкая и нежная Джульетта, строптивая Бланш Дюбуа, Ханума — умная, озорная, Кабаныха — одновременно прямоугольная и сомневающаяся, стерва — Марина Мишич, Марья Антоновна («Ревизор»), Гертруда («Гамлет»), Гонерилья («Король Лир»). Это сегодняшний репертуар. Из прошлых ролей: Елецкая («Нахлебник»), Вера в купринской «Яме», Катерина Измайлова — «Леди Макбет Мценского уезда». Списку позавидует любая актриса. Подкупает способность Ермоловой не быть при этом примдонной, не нести свой талант и природную красоту как хрустальный сосуд, который боится разбить или распылится...
— Нет. Хотела быть ею, но... А меня подтолкнула. Каждому своё: она закончила кораблестроительный, мечтала быть артисткой, уехала в Америку и занимается финансами. Успешна в деле, дети для неё не были важны. А я всегда хотела много детей. И троих было родило, но уже, конечно, нет: только два сына.
— Марина Неёлова сетовала, что с обретением мастерства утрачивается актёрское естество, первозданность...
— Я сейчас, как мне кажется, в том возрасте, который и есть золотая середина. Раньше, когда что-то не понимала, подлускала много эмоций, излишних, чересчур. Теперь больше мысли, содержания, на сцене больше думаю, чем рассыпаюсь. В молодости ещё не умела соотносить на сцене каждую минуту и начинаешь кричать, давить.
Меня в артистки принесло случайно: пошла туда, что хуже всего получалось, борясь с комплексами, страхами, боязнь публичных выступлений. Всё остальное давалось легко, отличница, а это...
— О театре с детства не мечтала, в школе на сцену не рвалась?
— Ну почему, играла. И Золушку и Мачеху, и Принца. Пела на сцене. Меня ткнуло туда, но я ужасно боялась. Боялась, но лежала, было страшно, но хотелось. Когда училась в театральном, нас отпускали с занятиями смотреть спектакли в старую драму. Но меня почти ничто не захватывало. И только в Кирове, где работал первый муж, я открыла ТЕАТР и захотела быть такой же, как Наташа Исеева, выпускница нашего театрального училища. До этого многое происходило на сцене казалось неправдой, надуманным, не про меня. А там захотела быть как она, играть её роли. И перевоорот случился в голову. Я как раз репетировала в «Квартире Коломбинь» странную актрису без возраста (мне всегда давали возрастные роли) и вдруг осознала, как надо играть её. Приехала и сыграла. И тогда увидели, что я что-то могу, и тогда я поняла, что хочу быть актрисой. Обо мне заговорили. А до этого мой мастер, Владимир Иванович Марченко, меня «пинал» за лень: все принесло 10 этюдов, а я один наскребла, терпеть их не могла. Я рада, что сложилось всё так, как сложилось. Были позызы рвануть в Москву, приглашали в сериал. Ну снимусь, всё закончится, и я навсегда останусь человеком одного сериала, как Геня Букнин?
— Театр — это навсегда?
— Я уже заражённый им человек. Не хочу и не буду без него жить, пока голова соображает и могу держать текст. Умереть на сцене — вряд ли. Надо

И всё равно в ней остаётся загадка

то достигаю. Всегда гордилась, что родом из маленького города, никогда не было комплексов по этому поводу.

— Сестра тоже актриса?

— Нет. Хотела быть ею, но... А меня подтолкнула. Каждому своё: она закончила кораблестроительный, мечтала быть артисткой, уехала в Америку и занимается финансами. Успешна в деле, дети для неё не были важны. А я всегда хотела много детей. И троих было родило, но уже, конечно, нет: только два сына.
— Марина Неёлова сетовала, что с обретением мастерства утрачивается актёрское естество, первозданность...
— Я сейчас, как мне кажется, в том возрасте, который и есть золотая середина. Раньше, когда что-то не понимала, подлускала много эмоций, излишних, чересчур. Теперь больше мысли, содержания, на сцене больше думаю, чем рассыпаюсь. В молодости ещё не умела соотносить на сцене каждую минуту и начинаешь кричать, давить.

Меня в артистки принесло случайно: пошла туда, что хуже всего получалось, борясь с комплексами, страхами, боязнь публичных выступлений. Всё остальное давалось легко, отличница, а это...
— О театре с детства не мечтала, в школе на сцену не рвалась?
— Ну почему, играла. И Золушку и Мачеху, и Принца. Пела на сцене. Меня ткнуло туда, но я ужасно боялась. Боялась, но лежала, было страшно, но хотелось. Когда училась в театральном, нас отпускали с занятиями смотреть спектакли в старую драму. Но меня почти ничто не захватывало. И только в Кирове, где работал первый муж, я открыла ТЕАТР и захотела быть такой же, как Наташа Исеева, выпускница нашего театрального училища. До этого многое происходило на сцене казалось неправдой, надуманным, не про меня. А там захотела быть как она, играть её роли. И перевоорот случился в голову. Я как раз репетировала в «Квартире Коломбинь» странную актрису без возраста (мне всегда давали возрастные роли) и вдруг осознала, как надо играть её. Приехала и сыграла. И тогда увидели, что я что-то могу, и тогда я поняла, что хочу быть актрисой. Обо мне заговорили. А до этого мой мастер, Владимир Иванович Марченко, меня «пинал» за лень: все принесло 10 этюдов, а я один наскребла, терпеть их не могла. Я рада, что сложилось всё так, как сложилось. Были позызы рвануть в Москву, приглашали в сериал. Ну снимусь, всё закончится, и я навсегда останусь человеком одного сериала, как Геня Букнин?
— Театр — это навсегда?
— Я уже заражённый им человек. Не хочу и не буду без него жить, пока голова соображает и могу держать текст. Умереть на сцене — вряд ли. Надо

во время почувствовать и признаться самой себе, что — пора.
— Мне всегда кажется, что Екатеринбург узок для тебя...
— Поэтому и работаю в разных театрах. Бог знает, занесёт нового режиссёра и что-то новое случится. Хочется много сделать. В кино не складывается, хотя переговоры и с Миндадзе были, и с Балабановым. Но увидит мой рост: «Где ж партнёрка найдём?». Конечно, в хорошем кино хотелось бы сняться, а не только в «Гавриловке...» и в «Важняке».
— С режиссёрами не очень велозло? Кроме Коляды?
— Со многими было удобно. Те, что не очень талантливы, без замечаний: всё, что ни делалось, хорошо. А чтобы нравилось? Периодически. И немного. Но так, как с Колядой, — свободно, легко, интересно — не было ни с кем. Режиссер должен любить артистов. Без любви вообще ничего не получается.
— В драме ревнуют к Коляде, к Камерному театру?
— Да. И это проблема, я всё время в напряжении. Хочу, чтобы сосуществовали мирно, а мне предлагают сделать выбор. Но зачем? Кому станет лучше? Я люблю работать с разными режиссёрами. Конечно, бывают не очень удачные тандемы, но и это опыт. Развивается актёрская гибкость, появляется свежая кровь, что-то в себе обнаруживаешь в любом случае, если не по проезженному пути идёшь. Штатпы, хочешь — не хочешь, формируются у любого актёра. Когда ломают тебя, не очень приятно, а если деликатно подталкивают — хорошо. Но не раз замечала, публика привыкает к определённому образу. Мои героини обычно сильные, властные, энергичные, и если новая героиня — пассивная, подкаблучница, зритель считает, что моя роль не нравится или вообще не удалась. Хотя она просто беззащитная. Может, конечно, с моей фактурой это сложно принять. Та же Бланш. Она ведь слабый человек. И моя ошибка, кстати, что первоначально, даже на «Ма-

ске», играла её по привычке от себя. А она — не я, не сильный человек. Не знаю, правда, насколько я сильная, но она ещё слабее, трусовата.
— А Николай Владимирович не подкаблучивал?
— Он говорил: «Чуть тише, не так громко». Не понимала, про что он. Думала, про звук. Он же вообще не давит. Я так благодарна ему, что сама дохожу до всего. Но, подкаблучив он точнее, быстрее бы до этого дошла и результат был бы лучше. Может, моя беда, что не смотрела других постановок, кроме той, где Вивьен Ли. Но она такая исходно хрупкая, и мне это уже не подходило...
— В Париже зато видели Изabella Юппер в этой роли?
— Она хороша была, потрясла первая сцена, но потом всё хуже и хуже, финал не впечатляет вообще. Там другое отношение к сцене. Для звёзд кино театр — забава, они к нему легко относятся. В кино Юппер душой выворачивает, а здесь: только что страдала, а шагнув за кулисы, кокетничает. Виден шоу: «Я вас хорошо обманывала». Да, это так, но я, как зритель, должна верить до конца, что она правдиво жила на сцене.
— Как относишься к тому, что многие коллеги «красти-ражированы» в рекламе? Тебя там нечасто увидишь...
— Сильно не приглашают. Зовут — снимаюсь. От нашей бедности соглашаемся на эти роли. Платят копейки, а ведут себя так, словно благодетельствовали. Предлагали сняться в рекламе похоронного бюро, вдову сыграть безупречно. Не пошла. Пределы есть.
— Дуэт с Олегом Ягодным, начиная с «Ромео и Джульетты», переходит из спектакля в спектакль. Вам комфортно вместе на сцене?
— Мы знаем друг друга как два родных человека. В «Трамвае...» играем ненавидя, там нет любви. Но и там легко вместе. Мы никогда не договариваемся заранее, разве что чуть-чуть. У актёров это есть — после спектакля выяснять отношения. Мы — нет. Может,

у него есть ко мне претензии. Как без этого. Лучшего, пожалуй, не было партнёра. Олег — мой любимый партнёр.
— Олег — на сцене, а в жизни?
— Хакамада, по-моему, сказала: «Со временем нужен муж — единомышленник». В молодости, когда гормоны играют, другие приоритеты. Сейчас главное, чтобы было интересно вместе не только дома. Саша недавно сделал свой спектакль, работает над фильмом. Я испытываю гордость за родного человека.
— На руках носит?
— Да никто меня никогда не носил. Мы росли с мамой, без отца. Мне кажется, дети из неполных семей ущербны немногим, обделены, у них нет модели нормальной семьи. Для меня всегда был барьер — почему у меня нет папы, это переросло во взаимоотношения с мужчинами. Дочери, говорят, повторяют судьбу матери. Моя мама всегда тащила на себе семью. Прожила одна, боялась, что кто-то её девочкой обидит. Во имя нас жила, и я ей благодарна. Но я живу не одна, мне нужно мужское плечо, нужно ощущение, что меня любят.
— Любит?
— Ну конечно любит. Может, не так, как в кино, или как другие артистки хвастаются, а может, и врёт, что с них пылинки сдувают, шубы стелют к ногам.
— Когда на поклоне кому-то дарят цветы, а тебе нет, обидно?
— Нет. Часто знаю, кто дарит и почему. Раньше немного бывало досадно, а сейчас радуясь, когда другим дарят. Иногда даже неудобно, что мне одной принесли. Когда-то давно хотела поделить цветы, но одна опытная артистка сказала, что нельзя дарить свои цветы, так отдашь любовь своих зрителей. Словом, примета такая, да и обижаться того, кто подарил.
— В спектакле «Два пловца» ты героиня — безликая, как старые русские куклы. Красивая актриса редко позволяет убрать своё лицо...
— Это очень странная история. Я долго мучилась, не понимая, почему она такая. Ведь я, сумасшедшая? Мне иногда нужен толчок, и всё вдруг встаёт на свои места. Помог первый муж (ведущий артист Каменской «Драмы номер три» Вячеслав Соловиченко — Н.П.), подсказал: «Ты должна её любить, а ненавидеть только то существо, которое в ней. Зло ощути реально, а её, Наталью, пытайся спасти». Это не заметно зрителю, но я-то поняла, про что играю, про что живу.
— С каждой героиней выстраиваешь свои отношения? Или всех оправдываешь, любишь?
— Стараюсь понять, даже в отрицательном. Не люблю играть однозначных злодеек. Я считаю, надо найти в каждой что-то такое, чтобы поняли тебя. Да, ублюдок, но есть что-то человеческое. У меня злодейки, наверное, только в сказках были.
— Все твои героини, кроме Джульетты, несчастны?
— Но и она страдала за счастье, которое ей так просто не даётся. Несчастна не в любви своей, а в мире, который её окружает. Неинтересно играть абсолютно счастливых.
— Больше нравится процесс репетиций или спектакль?
— Спектакль. Пока репетируем, не чувствую, что всё не как в жизни. И только на спектакле четко это вижу, понимаю, что всё — ложь. И тогда у меня запускается другой процесс. Иногда режиссёр толкает нас в неправильное, ему нравится, чтобы артист кривлялся, и понимаешь опять-таки на зрителе: нет-нет, не так надо делать. Момент истины, что ли.
— Бывают спектакли, когда зал равнодушен, не ваш, не твой, не попадаете в зрителя. Всё равно трагически?
— Бывают такие залы... Хотя зритель — не один человек, а всё равно он как одно животное, как одно существо. Иногда играем тот же спектакль, тем же составом, а нет реакции, где должна бы быть, чувствуешь отторжение. Пытаешься зрителя захватить, а он упирается, не хочет. В финале, правда, они тебя любят, принимают. Но я буду до последнего пытаться завоевать зрителя, завладеть им. Конечно, боюсь не в том смысле, что хочу понравиться, не пытаюсь играть подешеве. Работая, как будто нет никого, стараюсь правдиво существовать, искреннее становлюсь, что ли, сбрасываю все котурны и просто, по-человечески говорю. Иногда не выхожу на последний поклон, когда спектакль кажется провальным.
— Тяжело в заведомо плохом спектакле играть.
— Правда, стыдно бывает, невероятно стыдно. Но я точно знаю, что даже у самого дуриного спектакля найдётся человек, которому он понравится. Но это плохая миссия. Надо возышать зрителя, а не понижать его вкус и не отпугивать от театра тех, у кого хороший.
— Красивой женщине всегда достаётся терять. Старости боишься?
— Немочи. И нездоровья. Лет не боюсь, а вот видеть разрушение организма. Если уж совсем не смогу смотреть на себя в зеркало, может, и решусь что-нибудь себе подправить.
— При такой нагрузке, темпе жизни мамой успеваешь быть?
— Да. Младший, Марк, у нас очень активный. Я, наверное, плохой педагог, каким-то навыкам не обучаю, но любви даю много. Правда, недавно сломала ему пальчик: не пустил на работу, вцепился в меня и кричал: «Не пусти, моя мама!». Стала думать, закрываясь, а он успел всунуть палец. Ходит теперь с гипсом, но продолжает кататься на самокате и велосипеде. Ему всё время надо меня, у него такая любовь, ему так не хватает меня. Тискает, зацеловывает. Потом, наверное, к папе потянется. У старшего не было такого. Он уже взрослый, защитил диплом в колледже, хочет дальше учиться. Я счастлива. Ему наверняка моя любовь тоже ещё нужна, но он этого стесняется.
— Он осознаёт, кто его мама?
— Он вообще не очень любит театр. Может, не досор. Водила на «Хануму». «Вдвойне парадокс», правда, понравился.
— А хозяйка ты какая?
— Если что-то делаю, то хорошо. Сестра приезжала, я готовила много, вкусно. Но такие приступы бывают редко. Не балую домашних. На маме весь дом держится.
— Она — глава семьи?
— Наверное, да. Пока она рядом, могу чувствовать себя ребёнком. В одной квартире тяжело разным поколениям. Но я уже привыкла. Хотя проблема много. Скоро, например, нам с мужем надо ехать в Афины с «Гамлетом», с кем оставить нашего активного Марка?
— По-человечески незащищённой часто себя ощущаешь?
— Не скажу, что я смелый, наглый человек. Нет во мне этого. В быту, когда с наглостью встречаюсь, теряюсь, не могу ответить тем же хамством. Это меня выбивает надолго. Может два года пройти, а я всё вспоминаю, как меня обидели. Хамства много в жизни.
— А на сцене бываешь незащищённой?
— Наверное, бывает, когда толком не уверена в роли, в партнёре. Но на сцене прощай, чем в жизни.

— Спектакль. Пока репетируем, не чувствую, что всё не как в жизни. И только на спектакле четко это вижу, понимаю, что всё — ложь. И тогда у меня запускается другой процесс. Иногда режиссёр толкает нас в неправильное, ему нравится, чтобы артист кривлялся, и понимаешь опять-таки на зрителе: нет-нет, не так надо делать. Момент истины, что ли.
— Бывают спектакли, когда зал равнодушен, не ваш, не твой, не попадаете в зрителя. Всё равно трагически?
— Бывают такие залы... Хотя зритель — не один человек, а всё равно он как одно животное, как одно существо. Иногда играем тот же спектакль, тем же составом, а нет реакции, где должна бы быть, чувствуешь отторжение. Пытаешься зрителя захватить, а он упирается, не хочет. В финале, правда, они тебя любят, принимают. Но я буду до последнего пытаться завоевать зрителя, завладеть им. Конечно, боюсь не в том смысле, что хочу понравиться, не пытаюсь играть подешеве. Работая, как будто нет никого, стараюсь правдиво существовать, искреннее становлюсь, что ли, сбрасываю все котурны и просто, по-человечески говорю. Иногда не выхожу на последний поклон, когда спектакль кажется провальным.
— Тяжело в заведомо плохом спектакле играть.
— Правда, стыдно бывает, невероятно стыдно. Но я точно знаю, что даже у самого дуриного спектакля найдётся человек, которому он понравится. Но это плохая миссия. Надо возышать зрителя, а не понижать его вкус и не отпугивать от театра тех, у кого хороший.
— Красивой женщине всегда достаётся терять. Старости боишься?
— Немочи. И нездоровья. Лет не боюсь, а вот видеть разрушение организма. Если уж совсем не смогу смотреть на себя в зеркало, может, и решусь что-нибудь себе подправить.
— При такой нагрузке, темпе жизни мамой успеваешь быть?
— Да. Младший, Марк, у нас очень активный. Я, наверное, плохой педагог, каким-то навыкам не обучаю, но любви даю много. Правда, недавно сломала ему пальчик: не пустил на работу, вцепился в меня и кричал: «Не пусти, моя мама!». Стала думать, закрываясь, а он успел всунуть палец. Ходит теперь с гипсом, но продолжает кататься на самокате и велосипеде. Ему всё время надо меня, у него такая любовь, ему так не хватает меня. Тискает, зацеловывает. Потом, наверное, к папе потянется. У старшего не было такого. Он уже взрослый, защитил диплом в колледже, хочет дальше учиться. Я счастлива. Ему наверняка моя любовь тоже ещё нужна, но он этого стесняется.
— Он осознаёт, кто его мама?
— Он вообще не очень любит театр. Может, не досор. Водила на «Хануму». «Вдвойне парадокс», правда, понравился.
— А хозяйка ты какая?
— Если что-то делаю, то хорошо. Сестра приезжала, я готовила много, вкусно. Но такие приступы бывают редко. Не балую домашних. На маме весь дом держится.
— Она — глава семьи?
— Наверное, да. Пока она рядом, могу чувствовать себя ребёнком. В одной квартире тяжело разным поколениям. Но я уже привыкла. Хотя проблема много. Скоро, например, нам с мужем надо ехать в Афины с «Гамлетом», с кем оставить нашего активного Марка?
— По-человечески незащищённой часто себя ощущаешь?
— Не скажу, что я смелый, наглый человек. Нет во мне этого. В быту, когда с наглостью встречаюсь, теряюсь, не могу ответить тем же хамством. Это меня выбивает надолго. Может два года пройти, а я всё вспоминаю, как меня обидели. Хамства много в жизни.
— А на сцене бываешь незащищённой?
— Наверное, бывает, когда толком не уверена в роли, в партнёре. Но на сцене прощай, чем в жизни.

— Спектакль. Пока репетируем, не чувствую, что всё не как в жизни. И только на спектакле четко это вижу, понимаю, что всё — ложь. И тогда у меня запускается другой процесс. Иногда режиссёр толкает нас в неправильное, ему нравится, чтобы артист кривлялся, и понимаешь опять-таки на зрителе: нет-нет, не так надо делать. Момент истины, что ли.
— Бывают спектакли, когда зал равнодушен, не ваш, не твой, не попадаете в зрителя. Всё равно трагически?
— Бывают такие залы... Хотя зритель — не один человек, а всё равно он как одно животное, как одно существо. Иногда играем тот же спектакль, тем же составом, а нет реакции, где должна бы быть, чувствуешь отторжение. Пытаешься зрителя захватить, а он упирается, не хочет. В финале, правда, они тебя любят, принимают. Но я буду до последнего пытаться завоевать зрителя, завладеть им. Конечно, боюсь не в том смысле, что хочу понравиться, не пытаюсь играть подешеве. Работая, как будто нет никого, стараюсь правдиво существовать, искреннее становлюсь, что ли, сбрасываю все котурны и просто, по-человечески говорю. Иногда не выхожу на последний поклон, когда спектакль кажется провальным.
— Тяжело в заведомо плохом спектакле играть.
— Правда, стыдно бывает, невероятно стыдно. Но я точно знаю, что даже у самого дуриного спектакля найдётся человек, которому он понравится. Но это плохая миссия. Надо возышать зрителя, а не понижать его вкус и не отпугивать от театра тех, у кого хороший.
— Красивой женщине всегда достаётся терять. Старости боишься?
— Немочи. И нездоровья. Лет не боюсь, а вот видеть разрушение организма. Если уж совсем не смогу смотреть на себя в зеркало, может, и решусь что-нибудь себе подправить.
— При такой нагрузке, темпе жизни мамой успеваешь быть?
— Да. Младший, Марк, у нас очень активный. Я, наверное, плохой педагог, каким-то навыкам не обучаю, но любви даю много. Правда, недавно сломала ему пальчик: не пустил на работу, вцепился в меня и кричал: «Не пусти, моя мама!». Стала думать, закрываясь, а он успел всунуть палец. Ходит теперь с гипсом, но продолжает кататься на самокате и велосипеде. Ему всё время надо меня, у него такая любовь, ему так не хватает меня. Тискает, зацеловывает. Потом, наверное, к папе потянется. У старшего не было такого. Он уже взрослый, защитил диплом в колледже, хочет дальше учиться. Я счастлива. Ему наверняка моя любовь тоже ещё нужна, но он этого стесняется.
— Он осознаёт, кто его мама?
— Он вообще не очень любит театр. Может, не досор. Водила на «Хануму». «Вдвойне парадокс», правда, понравился.
— А хозяйка ты какая?
— Если что-то делаю, то хорошо. Сестра приезжала, я готовила много, вкусно. Но такие приступы бывают редко. Не балую домашних. На маме весь дом держится.
— Она — глава семьи?
— Наверное, да. Пока она рядом, могу чувствовать себя ребёнком. В одной квартире тяжело разным поколениям. Но я уже привыкла. Хотя проблема много. Скоро, например, нам с мужем надо ехать в Афины с «Гамлетом», с кем оставить нашего активного Марка?
— По-человечески незащищённой часто себя ощущаешь?
— Не скажу, что я смелый, наглый человек. Нет во мне этого. В быту, когда с наглостью встречаюсь, теряюсь, не могу ответить тем же хамством. Это меня выбивает надолго. Может два года пройти, а я всё вспоминаю, как меня обидели. Хамства много в жизни.
— А на сцене бываешь незащищённой?
— Наверное, бывает, когда толком не уверена в роли, в партнёре. Но на сцене прощай, чем в жизни.

— Спектакль. Пока репетируем, не чувствую, что всё не как в жизни. И только на спектакле четко это вижу, понимаю, что всё — ложь. И тогда у меня запускается другой процесс. Иногда режиссёр толкает нас в неправильное, ему нравится, чтобы артист кривлялся, и понимаешь опять-таки на зрителе: нет-нет, не так надо делать. Момент истины, что ли.
— Бывают спектакли, когда зал равнодушен, не ваш, не твой, не попадаете в зрителя. Всё равно трагически?
— Бывают такие залы... Хотя зритель — не один человек, а всё равно он как одно животное, как одно существо. Иногда играем тот же спектакль, тем же составом, а нет реакции, где должна бы быть, чувствуешь отторжение. Пытаешься зрителя захватить, а он упирается, не хочет. В финале, правда, они тебя любят, принимают. Но я буду до последнего пытаться завоевать зрителя, завладеть им. Конечно, боюсь не в том смысле, что хочу понравиться, не пытаюсь играть подешеве. Работая, как будто нет никого, стараюсь правдиво существовать, искреннее становлюсь, что ли, сбрасываю все котурны и просто, по-человечески говорю. Иногда не выхожу на последний поклон, когда спектакль кажется провальным.
— Тяжело в заведомо плохом спектакле играть.
— Правда, стыдно бывает, невероятно стыдно. Но я точно знаю, что даже у самого дуриного спектакля найдётся человек, которому он понравится. Но это плохая миссия. Надо возышать зрителя, а не понижать его вкус и не отпугивать от театра тех, у кого хороший.
— Красивой женщине всегда достаётся терять. Старости боишься?
— Немочи. И нездоровья. Лет не боюсь, а вот видеть разрушение организма. Если уж совсем не смогу смотреть на себя в зеркало, может, и решусь что-нибудь себе подправить.
— При такой нагрузке, темпе жизни мамой успеваешь быть?
— Да. Младший, Марк, у нас очень активный. Я, наверное, плохой педагог, каким-то навыкам не обучаю, но любви даю много. Правда, недавно сломала ему пальчик: не пустил на работу, вцепился в меня и кричал: «Не пусти, моя мама!». Стала думать, закрываясь, а он успел всунуть палец. Ходит теперь с гипсом, но продолжает кататься на самокате и велосипеде. Ему всё время надо меня, у него такая любовь, ему так не хватает меня. Тискает, зацеловывает. Потом, наверное, к папе потянется. У старшего не было такого. Он уже взрослый, защитил диплом в колледже, хочет дальше учиться. Я счастлива. Ему наверняка моя любовь тоже ещё нужна, но он этого стесняется.
— Он осознаёт, кто его мама?
— Он вообще не очень любит театр. Может, не досор. Водила на «Хануму». «Вдвойне парадокс», правда, понравился.
— А хозяйка ты какая?
— Если что-то делаю, то хорошо. Сестра приезжала, я готовила много, вкусно. Но такие приступы бывают редко. Не балую домашних. На маме весь дом держится.
— Она — глава семьи?
— Наверное, да. Пока она рядом, могу чувствовать себя ребёнком. В одной квартире тяжело разным поколениям. Но я уже привыкла. Хотя проблема много. Скоро, например, нам с мужем надо ехать в Афины с «Гамлетом», с кем оставить нашего активного Марка?
— По-человечески незащищённой часто себя ощущаешь?
— Не скажу, что я смелый, наглый человек. Нет во мне этого. В быту, когда с наглостью встречаюсь, теряюсь, не могу ответить тем же хамством. Это меня выбивает надолго. Может два года пройти, а я всё вспоминаю, как меня обидели. Хамства много в жизни.
— А на сцене бываешь незащищённой?
— Наверное, бывает, когда толком не уверена в роли, в партнёре. Но на сцене прощай, чем в жизни.

— Спектакль. Пока репетируем, не чувствую, что всё не как в жизни. И только на спектакле четко это вижу, понимаю, что всё — ложь. И тогда у меня запускается другой процесс. Иногда режиссёр толкает нас в неправильное, ему нравится, чтобы артист кривлялся, и понимаешь опять-таки на зрителе: нет-нет, не так надо делать. Момент истины, что ли.
— Бывают спектакли, когда зал равнодушен, не ваш, не твой, не попадаете в зрителя. Всё равно трагически?
— Бывают такие залы... Хотя зритель — не один человек, а всё равно он как одно животное, как одно существо. Иногда играем тот же спектакль, тем же составом, а нет реакции, где должна бы быть, чувствуешь отторжение. Пытаешься зрителя захватить, а он упирается, не хочет. В финале, правда, они тебя любят, принимают. Но я буду до последнего пытаться завоевать зрителя, завладеть им. Конечно, боюсь не в том смысле, что хочу понравиться, не пытаюсь играть подешеве. Работая, как будто нет никого, стараюсь правдиво существовать, искреннее становлюсь, что ли, сбрасываю все котурны и просто, по-человечески говорю. Иногда не выхожу на последний поклон, когда спектакль кажется провальным.
— Тяжело в заведомо плохом спектакле играть.
— Правда, стыдно бывает, невероятно стыдно. Но я точно знаю, что даже у самого дуриного спектакля найдётся человек, которому он понравится. Но это плохая миссия. Надо возышать зрителя, а не понижать его вкус и не отпугивать от театра тех, у кого хороший.
— Красивой женщине всегда достаётся терять. Старости боишься?
— Немочи. И нездоровья. Лет не боюсь, а вот видеть разрушение организма. Если уж совсем не смогу смотреть на себя в зеркало, может, и решусь что-нибудь себе подправить.
— При такой нагрузке, темпе жизни мамой успеваешь быть?
— Да. Младший, Марк, у нас очень активный. Я, наверное, плохой педагог, каким-то навыкам не обучаю, но любви даю много. Правда, недавно сломала ему пальчик: не пустил на работу, вцепился в меня и кричал: «Не пусти, моя мама!». Стала думать, закрываясь, а он успел всунуть палец. Ходит теперь с гипсом, но продолжает кататься на самокате и велосипеде. Ему всё время надо меня, у него такая любовь, ему так не хватает меня. Тискает, зацеловывает. Потом, наверное, к папе потянется. У старшего не было такого. Он уже взрослый, защитил диплом в колледже, хочет дальше учиться. Я счастлива. Ему наверняка моя любовь тоже ещё нужна, но он этого стесняется.
— Он осознаёт, кто его мама?
— Он вообще не очень любит театр. Может, не досор. Водила на «Хануму». «Вдвойне парадокс», правда, понравился.
— А хозяйка ты какая?
— Если что-то делаю, то хорошо. Сестра приезжала, я готовила много, вкусно. Но такие приступы бывают редко. Не балую домашних. На маме весь дом держится.
— Она — глава семьи?
— Наверное, да. Пока она рядом, могу чувствовать себя ребёнком. В одной квартире тяжело разным поколениям. Но я уже привыкла. Хотя проблема много. Скоро, например, нам с мужем надо ехать в Афины с «Гамлетом», с кем оставить нашего активного Марка?
— По-человечески незащищённой часто себя ощущаешь?
— Не скажу, что я смелый, наглый человек. Нет во мне этого. В быту, когда с наглостью встречаюсь, теряюсь, не могу ответить тем же хамством. Это меня выбивает надолго. Может два года пройти, а я всё вспоминаю, как меня обидели. Хамства много в жизни.
— А на сцене бываешь незащищённой?
— Наверное, бывает, когда толком не уверена в роли, в партнёре. Но на сцене прощай, чем в жизни.

Анфиса во «Вдвёем парохде»

— Спектакль. Пока репетируем, не чувствую, что всё не как в жизни. И только на спектакле четко это вижу, понимаю, что всё — ложь. И тогда у меня запускается другой процесс. Иногда режиссёр толкает нас в неправильное, ему нравится, чтобы артист кривлялся, и понимаешь опять-таки на зрителе: нет-нет, не так надо делать. Момент истины, что ли.
— Бывают спектакли, когда зал равнодушен, не ваш, не твой, не попадаете в зрителя. Всё равно трагически?
— Бывают такие залы... Хотя зритель — не один человек, а всё равно он как одно животное, как одно существо. Иногда играем тот же спектакль, тем же составом, а нет реакции, где должна бы быть, чувствуешь отторжение. Пытаешься зрителя захватить, а он упирается, не хочет. В финале, правда, они тебя любят, принимают. Но я буду до последнего пытаться завоевать зрителя, завладеть им. Конечно, боюсь не в том смысле, что хочу понравиться, не пытаюсь играть подешеве. Работая, как будто нет никого, стараюсь правдиво существовать, искреннее становлюсь, что ли, сбрасываю все котурны и просто, по-человечески говорю. Иногда не выхожу на последний поклон, когда спектакль кажется провальным.
— Тяжело в заведомо плохом спектакле играть.
— Правда, стыдно бывает, невероятно стыдно. Но я точно знаю, что даже у самого дуриного спектакля найдётся человек, которому он понравится. Но это плохая миссия. Надо возышать зрителя, а не понижать его вкус и не отпугивать от театра тех, у кого хороший.
— Красивой женщине всегда достаётся терять. Старости боишься?
— Немочи. И нездоровья. Лет не боюсь, а вот видеть разрушение организма. Если уж совсем не смогу смотреть на себя в зеркало, может, и решусь что-нибудь себе подправить.
— При такой нагрузке, темпе жизни мамой успеваешь быть?
— Да. Младший, Марк, у нас очень активный. Я, наверное, плохой педагог, каким-то навыкам не обучаю, но любви даю много. Правда, недавно сломала ему пальчик: не пустил на работу, вцепился в меня и кричал: «Не пусти, моя мама!». Стала думать, закрываясь, а он успел всунуть палец. Ходит теперь с гипсом, но продолжает кататься на самокате и велосипеде. Ему всё время надо меня, у него такая любовь, ему так не хватает меня. Тискает, зацеловывает. Потом, наверное, к папе потянется. У старшего не было такого. Он уже взрослый, защитил диплом в колледже, хочет дальше учиться. Я счастлива. Ему наверняка моя любовь тоже ещё нужна, но он этого стесняется.
— Он осознаёт, кто его мама?
— Он вообще не очень любит театр. Может, не досор. Водила на «Хануму». «Вдвойне парадокс», правда, понравился.
— А хозяйка ты какая?
— Если что-то делаю, то хорошо. Сестра приезжала, я готовила много, вкусно. Но такие приступы бывают редко. Не балую домашних. На маме весь дом держится.
— Она — глава семьи?
— Наверное, да. Пока она рядом, могу чувствовать себя ребёнком. В одной квартире тяжело разным поколениям. Но я уже привыкла. Хотя проблема много. Скоро, например, нам с мужем надо ехать в Афины с «Гамлетом», с кем оставить нашего активного Марка?
— По-человечески незащищённой часто себя ощущаешь?
— Не скажу, что я смелый, наглый человек. Нет во мне этого. В быту, когда с наглостью встречаюсь, теряюсь, не могу ответить тем же хамством. Это меня выбивает надолго. Может два года пройти, а я всё вспоминаю, как меня обидели. Хамства много в жизни.
— А на сцене бываешь незащищённой?
— Наверное, бывает, когда толком не уверена в роли, в партнёре. Но на сцене прощай, чем в жизни.

— Спектакль. Пока репетируем, не чувствую, что всё не как в жизни. И только на спектакле четко это вижу, понимаю, что всё — ложь. И тогда у меня запускается другой процесс. Иногда режиссёр толкает нас в неправильное, ему нравится, чтобы артист кривлялся, и понимаешь опять-таки на зрителе: нет-нет, не так надо делать. Момент истины, что ли.
— Бывают спектакли, когда зал равнодушен, не ваш, не твой, не попадаете в зрителя. Всё равно трагически?
— Бывают такие залы... Хотя зритель — не один человек, а всё равно он как одно животное, как одно существо. Иногда играем тот же спектакль, тем же составом, а нет реакции, где должна бы быть, чувствуешь отторжение. Пытаешься зрителя захватить, а он упирается, не хочет. В финале, правда, они тебя любят, принимают. Но я буду до последнего пытаться завоевать зрителя, завладеть им. Конечно, боюсь не в том смысле, что хочу понравиться, не пытаюсь играть подешеве. Работая, как будто нет никого, стараюсь правдиво существовать, искреннее становлюсь, что ли, сбрасываю все котурны и просто, по-человечески говорю. Иногда не выхожу на последний поклон, когда спектакль кажется провальным.
— Тяжело в заведомо плохом спектакле играть.
— Правда, стыдно бывает, невероятно стыдно. Но я точно знаю, что даже у самого дуриного спектакля найдётся человек, которому он понравится. Но это плохая миссия. Надо возышать зрителя, а не понижать его вкус и не отпугивать от театра тех, у кого хороший.
— Красивой женщине всегда достаётся терять. Старости боишься?
— Немочи. И нездоровья. Лет не боюсь, а вот видеть разрушение организма. Если уж совсем не смогу смотреть на себя в зеркало, может, и решусь что-нибудь себе подправить.
— При такой нагрузке, темпе жизни мамой успеваешь быть?
— Да. Младший, Марк, у нас очень активный. Я, наверное, плохой педагог, каким-то навыкам не обучаю, но любви даю много. Правда, недавно сломала ему пальчик: не пустил на работу, вцепился в меня и кричал: «Не пусти, моя мама!». Стала думать, закрываясь, а он успел всунуть палец. Ходит теперь с гипсом, но продолжает кататься на самокате и велосипеде. Ему всё время надо меня, у него такая любовь, ему так не хватает меня. Тискает, зацеловывает. Потом, наверное, к папе потянется. У старшего не было такого. Он уже взрослый, защитил диплом в колледже, хочет дальше учиться. Я счастлива. Ему наверняка моя любовь тоже ещё нужна, но он этого стесняется.
— Он осознаёт, кто его мама?
— Он вообще не очень любит театр. Может, не досор. Водила на «Хануму». «Вдвойне парадокс», правда, понравился.
— А хозяйка ты какая?
— Если что-то делаю, то хорошо. Сестра приезжала, я готовила много, вкусно. Но такие приступы бывают редко. Не балую домашних. На маме весь дом держится.
— Она — глава семьи?
— Наверное, да. Пока она рядом, могу чувствовать себя ребёнком. В одной квартире тяжело разным поколениям. Но я уже привыкла. Хотя проблема много. Скоро, например, нам с мужем надо ехать в Афины с «Гамлетом», с кем оставить нашего активного Марка?
— По-человечески незащищённой часто себя ощущаешь?
— Не скажу, что я смелый, наглый человек. Нет во мне этого. В быту, когда с наглостью встречаюсь, теряюсь, не могу ответить тем же хамством. Это меня выбивает надолго. Может два года пройти, а я всё вспоминаю, как меня обидели. Хамства много в жизни.
— А на сцене бываешь незащищённой?
— Наверное, бывает, когда толком не уверена в роли, в партнёре. Но на сцене прощай, чем в жизни.

— Спектакль. Пока репетируем, не чувствую, что всё не как в жизни. И только на спектакле четко это вижу, понимаю, что всё — ложь. И тогда у меня запускается другой процесс. Иногда режиссёр толкает нас в неправильное, ему нравится, чтобы артист кривлялся, и понимаешь опять-таки на зрителе: нет-нет, не так надо делать. Момент истины, что ли.
— Бывают спектакли, когда зал равнодушен, не ваш, не твой, не попадаете в зрителя. Всё равно трагически?
— Бывают такие залы... Хотя зритель — не один человек, а всё равно он как одно животное, как одно существо. Иногда играем тот же спектакль, тем же составом, а нет реакции, где должна бы быть, чувствуешь отторжение. Пытаешься зрителя захватить, а он упирается, не хочет. В финале, правда, они тебя любят, принимают. Но я буду до последнего пытаться завоевать зрителя, завладеть им. Конечно, боюсь не в том смысле, что хочу понравиться, не пытаюсь играть подешеве. Работая, как будто нет никого, стараюсь правдиво существовать, искреннее становлюсь, что ли, сбрасыв